

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

**К АНАЛИЗУ ТИПА ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ИЗ «ДИВАН ЛУГАТ
АТ-ТУРК» МАХМУДА АЛ-КАШГАРИ**

Исследователи, предпринимавшие группировку стихов (четверостиший и двустиший), которые приведены Махмудом ал-Кашгари в качестве примеров к тюркским словам в «Диване», ставили перед собой трудную задачу. Хотя ориентирами при этом совершенно верно избирались единство числа слогов в стихотворных строках и единство рифмы, установить правильный порядок следования стихов внутри групп оставалось делом достаточно сложным. После М. Ф. Кёпрюлю, осуществившего частичный подбор стихов из «Дивана»,¹ полную группировку стихов сделал К. Брокельман, исходя из их общей тематики, а также количества слогов в стихотворных строках и рифмы. Однако он не пытался установить правильный порядок следования стихов, считая это невыполнимым, и в своей публикации расположил стихи из «Дивана» в той последовательности, в какой они были даны в рукописи.² Несмотря на спорность выбора того или иного порядка следования стихов, если он не обоснован достаточно вескими аргументами, естественное стремление вернуть поэтическим произведениям из «Дивана» логическую связность повествования, представить их не как конгломерат, а как единое литературное целое, побудило А. Фитрата предложить свою группировку стихов, в которой порядок их следования был избран субъективно.³

В связи с тем что К. Брокельман не ставил перед собой цель определить правильный порядок следования стихов, а их группировка, осуществленная А. Фитратом, никак не аргументировалась, считалось, что проделанная в этой области работа неудовлетворительна, что стихи требуют перестановки и т. п.⁴ Нужно сказать, однако, что требование перестановки стихов, не основывающееся на четко сформулированных принципах, остается таким же субъективным, как и то, что уже было сделано А. Фитратом. Поэтому вполне очевидной кажется необходимость определения тех законов построения литературного произведения, которым должны быть подчинены тексты, дошедшие до нас в составе «Дивана».

Здесь прежде всего следует допустить, что Махмуд ал-Кашгари, странствуя по землям, населенным тюркоязычными народами, записал с в я з н ы е тексты, которые затем использовал в своем сочинении в отрывках, как иллюстрации к тюркским словам. Поэтому реконструкция композиции поэтических произведений из «Дивана» может опираться на опыт исследования структур литературных произведений, вплоть до самого современного.

Необходимо также предположить, что композиция поэтических произведений из «Дивана» может иметь аналогию в более ранних сочинениях тюркоязычной литературы.

Результаты сопоставления поэтических текстов из «Дивана» (XI в.) с орхонскими текстами (VIII в.) оказываются важными не только для реконструкции композиции интересующих нас сочинений, поскольку дают возможность вернуть тюркоязычной поэзии утраченные произведения. Они важны и потому, что свидетельствуют о сохранении специфики повествования, выявленной в ранних повествовательных текстах, в последующей традиции, — что позволяет говорить о непрерывности литературного процесса в тюркоязычной словесности.

Анализ техники повествования в Малой и Большой надписях в честь Кюль-тегина и в Надписи в честь Тоньюкука, — текстах достаточно пространных и почти не имеющих лагун, — позволяет установить общие для них законы построения текста, продиктованные не только логическими ограничениями (стремлением к связности текста), но и существовавшей в древности традицией создания повествовательного текста, выработавшей свой определенный стиль, понимаемый как система взаимосвязи формы и содержания и рожденный совокупностью культурных и исторических условий существования древнетюркской литературы. Пользуясь терминологией семиологического исследования текста, предусматривающего как анализ техники повествования, так и выявление общих законов его построения,⁵ можно сказать, что для орхонских текстов характерна элементарная последовательность повествовательных единиц — функций, образующих в цепи последовательности рассказ. Каждый логико-семантический (повествовательный) цикл, наблюдаемый в данных надписях, имеет однотипный набор элементов повествования, выступающих в качестве реализаторов трех функций: 1) функции инспирирования действия (делающей возможным действие в виде события или поступка); 2) функции реализации действия (осуществляющей эту возможность в виде события или поступка); 3) функции финализации действия (завершающей действие в виде конечного результата).

Сравнительный анализ техники повествования в Малой и Большой надписях в честь Кюль-тегина (автор один и тот же) дает возможность убедиться в том, что больший объем текста, вызванный большим количеством и разнообразием отраженных в надписи тем, не приводит к появлению других средств построе-

ния повествования и тем самым — к возникновению качественно новых структур, а ограничивается количественным накоплением одних и тех же, повторяющихся элементов повествования (зачин, развертывание содержания цикла, концовка), неизменно сохраняющих элементарную последовательность трех функций, неразрывно связанных между собой как на уровне любого повествовательного цикла (ограничивающегося микросюжетом), так и на уровне более крупных смысловых отрезков текста (рассказов) или всей надписи в целом, которые каждый в своем случае является также повествовательным циклом, но в разной степени укрупненным посредством накопления однотипных повествовательных единиц.

Сравнительный анализ техники повествования в надписях в честь Кюль-тегина и в Надписи в честь Тоньюкука (авторы разные) позволяет сделать вывод о том, что особенности построения повествовательного текста относятся не к области авторской специфики, а к сфере существования общепринятой традиции создания повествовательного текста. Поэтому представляется возможным заключить, что повествовательный цикл с обязательными тремя элементами повествования, реализующими три функции, группирующиеся в элементарной последовательности, формирует наиболее архаический тип повествования в тюркоязычной словесности. Следует обратить внимание на то, что в нашем случае полностью отсутствует альтернатива «или — или», то есть появление одного элемента повествования неизбежно влечет за собой появление второго и третьего элементов, что предопределяет жесткую детерминацию сюжетных узлов. Специфика древнетюркского повествовательного текста состоит и в том, что повествование в силу традиции неизменно сохраняет элементарную последовательность функций, не образуя сложных последовательностей.

Предположение о сходстве композиционной структуры поэтических произведений из «Дивана» с особенностями композиции древнетюркских сочинений позволило сопоставить стихи из «Дивана», посвященные военно-героической тематике и являющиеся достаточно пространными повествованиями об определенных событиях («Битва с тангутами», «Битва с уйгурами», текст V),⁶ с орхонскими текстами.

Характерной чертой Большой надписи в честь Кюль-тегина и Надписи в честь Тоньюкука является повествование от первого лица, причем содержание надписей подразделяется на три части: предысторию (пространную или краткую) событий, в которых участвует главный герой, рассказ о конкретном участии главного героя в событиях и заключение содержания надписей с указанием на выдающиеся заслуги главного героя надписи в описываемых событиях (в заключение входит также оплакивание кончины героя).

Если рассмотреть разбросанные по «Дивану» четверостишия, которые по метру и рифме, а также по содержанию (хотя последнее не всегда столь очевидно) могут быть отнесены к «Битве с тангутами», то оказывается возможным сгруппировать их по тем же разделам, которые наличествуют в упомянутых орхонских текстах. Сначала в «Битве с тангутами» описывается вражда хана тангутов с беком Катунсини (восемь четверостиший), затем говорится о главном герое (восемь четверостиший), затем сообщается об итоге военных событий с акцентом на превосходстве героя над врагом (четыре четверостишия); повествование ведется от первого лица. Аналогично этому оказалось возможным сгруппировать и четверостишия, относящиеся к тексту V из «Дивана», также посвященному военно-героической теме: первая часть текста посвящена предыстории событий, в которых участвует главный герой (шесть четверостиший), вторая часть описывает деятельность главного героя в событиях (пять четверостиший), в третьей части содержится подведение итогов войны, сопровождающееся превознесением заслуг героя (четыре четверостишия); повествование также ведется от первого лица. Однако сходство данных текстов из «Дивана» с орхонскими сочинениями этим не ограничивается. Если проанализировать каждую из выделенных тематически групп четверостиший, то оказывается возможным расположить в них четверостишия в той же последовательности повествовательных единиц, которую мы видели в орхонских текстах. Каждая часть «Битвы с тангутами» и текста V из «Дивана», повествующая о событиях, имеет завязку — начало развития сюжета, — представляющую собой рассказ о военном конфликте (для первых частей текстов, содержащих предысторию событий) или рассказ о начале военной деятельности главного героя (для вторых частей текстов, в которых описывается участие в событиях главного героя); развитие сюжета, включающее описание битв (без участия главного героя для первых частей текстов и с участием главного героя для вторых частей текстов); развязку конфликтной ситуации, подводющую итог военных действий (без участия главного героя для первых частей текстов и с указанием на личные заслуги главного героя во вторых частях текстов). Третьи части текстов, в которых описывается исход войны и превосходство главных героев над врагом, примыкают к финалам вторых частей анализируемых текстов, разрастаясь в самостоятельные повествования с той же последовательностью повествовательных единиц. Таким образом, повествование в данных группах четверостиший формируется посредством реализации трех функций, также расположенных в элементарной последовательности: функции, делающей возможным действие в виде события или поступка, функции, осуществляющей эту возможность действия в виде события или поступка, функции, завершающей действие в виде конечного результата. За недостатком места ограничимся одним небольшим примером реконструкции композиции «Битвы с уйгурами» — текст имеет троичное

строение, эквивалентное повествовательному циклу орхонских текстов. «Битва с уйгурами» содержит шесть четверостиший, которые представляют собой завязку (четверостишие 1) — сообщение о начале военного похода (функция инспирирования действия), развитие сюжета (четверостишия 2—4) — описание течения этого похода (функция реализации действия), развязку (четверостишия 5—6) — подведение итогов похода (функция финализации действия).

1. Укрепив на конях бунчуки,
на уйгуров и татов,
на воров [и] скверных собак
мы полетели как птицы.
2. Взметнулось красное знамя,
поднялся черный прах.
Подоспело [племя] ограк.
Сражаясь с ним, мы задержались.
3. Мы крепко подвязали [коням] хвосты,
многократно восславили бога,
погнав коней, мы настигли [их].
Обманув [их], мы снова бежали.
4. Сев в лодки,
мы переправились через реку Ила [Или?].
Направившись в сторону уйгуров,
мы завладели страной Мынглак.
5. Мы хлынули [на них], как поток,
мы появились у городов,
мы разрушили буддийские храмы,
мы нагадили на идолов.
6. Мы напали [на них] ночью,
мы устроили засады со всех сторон.
Мы обрезали им чубы.
Мы вырезали мужей Мынглака.

Так же как и в орхонских сочинениях, поэтические тексты из «Дивана», посвященные рассказам о героике военных событий, имеют только элементарную последовательность трех функций и жесткую детерминацию сюжетных узлов. Следовательно, представляется возможным сделать вывод о том, что в данных поэтических произведениях из «Дивана» сохраняется а р х а и ч е с к и й т и п п о в е с т в о в а н и я, обнаруживаемый в древнетюркских повествовательных текстах. Механизм сюжетосложения функционирует по строго определенным законам традиционного для тюркоязычной словесности построения повествования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Millî tettebbular mesmuası, II, 4, с. 71 (ар. алф.).

² Публикацию стихов см.: В р о с к е л м а н н С. Alturkestanische Volkspoesie, I. — «Asia Major» (Hirth anniversary volume), 1923, p. 3—24; то же, II — «Asia Major», vol. 1, 1924, p. 24—44. О принципе группировки стихов см.: Alturkestanische Volkspoesie, I, 2.

³ Ф и т р а т А. Энг эски турк адабиёти намуналари. Самарканд—Тошкент, 1927 (арабск. шрифт).

⁴ См., например: G a n d j e i Т. Überblick über den vor- und frühislamischen türkischen Versbau. — «Der Islam», Bd. 33, H. 1—2, 1957, S. 146.

⁵ Б р е м о н К. Логика повествовательных возможностей. — В кн.: Семиотика и искусствометрия. М., 1972, с. 108—135.

⁶ См. публикацию стихов из «Дивана» и их перевод в кн.: С т е б л е в а И. В. Развитие тюркских поэтических форм в XI в. М., 1971, с. 113—145, 244—252.